

Катерина Кроль — журналистка и любительница авантур. И когда подруга детства Вика, а нынче бизнес-леди и политик, попадает в щекотливую ситуацию, Катя решает взяться за запутанное дело. Кому, как не ей, под силу вытащить подругу из ловушки шантажиста? Если бы Вика только знала, чем обернется для нее та встреча в клубе знакомств... А обернулась она грязным шантажом с использованием пикантных фото Вики, которые горе-любовник грозит передать в прессу. Чтобы вывести преступника на чистую воду, кому-то придется рискнуть собственной репутацией...

www.bookclub.ua

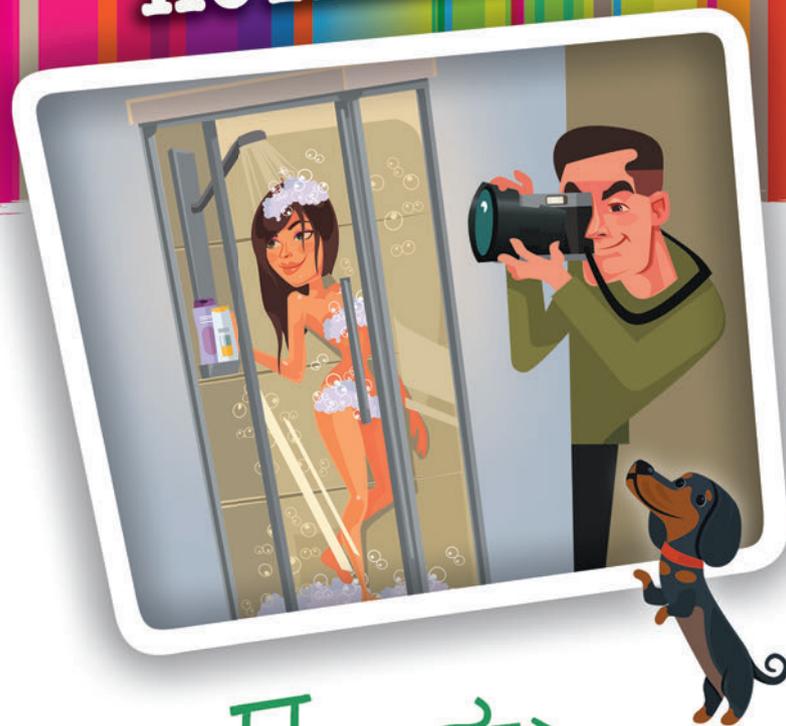
ISBN 978-617-12-5764-1

9 786171 257641

Ирина ПОТАНИНА
Пособие для начинающих
шантажистов

Ирина
ПОТАНИНА

Пособие
для начинающих
шантажистов

**Ирина
ПОТАНИНА**

Пособие
для начинающих
шантажистов

Роман

УДК 821.161.1(477)
П64

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-5764-1

- © Потанина И., 2018
- © DepositPhotos.com / Joingate, prettyvectors, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Пролог

Виктор, улыбаясь, шел навстречу Виктории. Покойный супруг выглядел на удивление бодрым и живым. Вика разозлилась настолько, что даже забыла испугаться.

— Сколько можно? — едва сдерживая ярость, поинтересовалась она, когда Виктор подошел совсем близко.

Монотонный поток пешеходов равнодушно обтекал стоящих. Это тоже раздражало.

— Витя, ну что ты молчишь? — Виктория дернула покойного мужа за рукав безупречно белой рубашки. — Пожалуйста, отпусти меня. Перестань снится, прошу тебя...

— Я и рад бы, — Виктор говорил, приветливо улыбаясь.

Хотя в глубине его глаз отчетливо читалась нечеловеческая, захлестывающая безнадежностью тоска, Виктории удобнее было думать, что покойник доволен своим нынешним бытием. Виктор продолжал:

— Я и рад бы, но таков порядок вещей. Жертва обязана снится убийце. Ничего не могу изменить...

— Нет! Нет! Нет!

Виктория резко проснулась. Неимоверным рывком воли выдернула себя из объятий злого сновидения.

Смахнула со лба капли пота. Села. Щелкнула выключателем ночника. Принялась массировать виски.

— Тихо, спокойно, — уговаривала она сама себя, — все хорошо. Просто дурной сон.

Слова не помогли. Вику начало трясти.

— Нет! — закричала она кому-то неведомому, глядя на украшенный лепниной потолок. — Нет! Это неправда! Слышите, вы?!

Виктория зачем-то запустила в лепнину случайно попавшейся под руку расческой и зарыдала, бессильно откинувшись на подушку.

Потолок сочувственно молчал, всем своим видом олицетворяя полное согласие с несчастной женщиной.

Глава первая,

в которой две порядочные дамы встречаются под покровом компрометирующих обстоятельств

«Пять утра в студии!» — осмелилось возвестить радио, за что тут же получило щелбан и обиженно переключилось на другой канал.

Это был тот самый день, когда я устала окончательно. Очередной запланированный для известного журнала шедевр дописался и оказался крайне нудным, трудно воспринимаемым бредом. Очередной запланированный для решения всех материальных проблем трудовой квартал подошел к концу и оказался весьма неудачным, почти убыточным периодом. Очередной запланированный для большой и светлой любви молодой человек состоялся и оказался банальным, живущим лишь бытовыми проблемами неудачником. Очередной запланированный для кардинальной смены имиджа поход в парикмахерскую не состоялся. И, самое главное, именно сегодня стало окончательно ясно: ничего другого я не заслуживаю.

Единственное, что еще хоть как-то стимулировало меня к дальнейшему существованию, было любопытство. Эта бессмысленная, никак не монетизируемая, но очень навязчивая черта характера в последнее время взяла верх над

всеми остальными моими внутренними «я». Именно любопытство и загнало меня сейчас на заснеженную окружающую трассу в столь неприличное время.

«Лиза с третьего этажа гостиницы “Центральная” поздравляет своих коллег с профессиональным праздником», — с пионерским задором сообщила диктор. Я вдруг вспомнила, что сегодня День святого Валентина, и горько вздохнула.

«Срочно домой — и спать!» — загорланил вдруг проснувшийся внутри меня здравый смысл, вынуждая развернуть форд в сторону города и прибавить газу.

«Докатилась, понимаешь, в 29 лет до тоски по глупым романтическим праздникам, которые уже десять лет назад лично провозгласила пошлостью и маразмом, — вяло подключилась измученная ночными диалогами самокритика. — Совсем с ума сошла!»

«Было б с чего сходить!» — автоматически среагировала на избитую фразу заштампованность сознания.

Нет, и не думайте, я не сумасшедшая какая-нибудь! Ну, слегка потерялась во времени... Не преступление! Сама с собой разговариваю? Так это мысленно... Ночами по трассе шастаю? Ну... Я тут случайно, можно сказать...

Подобным образом я могла бы расшаркиваться перед воображаемыми читателями воображаемой новой книги до самого синего дома (хотите верьте, хотите нет, моя старенькая девятиэтажка и вправду выкрашена в ярко-синий цвет). Но тут...

Из лесу на дорогу внезапно вывалилось странное существо — ни дать ни взять огородное пугало! Причем устремилось оно не куда-нибудь, а прямо под колеса моей ма-

шины. Я резко пришла в себя, чудом успев в последнюю секунду вывернуть руль и ударить по тормозам. Оставшееся в живых «пугало» издало радостный вопль и кинулось к пассажирскому месту. Я в панике заблокировала дверь и лишь немного опустила стекло. Сквозь образовавшуюся щель повеяло хорошо знакомыми духами, потом показалась безупречная улыбка и взволнованный женский голос прошелестел:

— Тысяча извинений! Не хотела так варварски себя вести, но никто не останавливался...

О нет! Я тут же узнала говорящую. Концентрировать внимание Виктории Силенской на моей сонной персоне представлялось сейчас совершенно губительным... Впрочем, чему удивляться? Пора привыкнуть к тому, что чем больше я от кого-то скрываюсь, тем меньше у меня шансов остаться этим кем-то незамеченной.

Я подумала было сделать вид, что это вовсе не я, и проехать мимо, но любопытство оказалось сильнее здравого смысла.

Между тем Силенская склонилась поближе к окну машины, и пара глаз жадно вцепилась в меня. Лучше бы шляпа «огородного пугала» была на мне! Шансов остаться неузнанной у меня не было.

— Доброе утро! Вот уж не ожидала... Присаживайся, почувствуй себя как дома... — пришлось любезно изображать гостеприимство.

Я распахнула дверцу и еще раз взглянула на Викторю. Всегда безукоризненно элегантная Силенская, больше похожая на манекен, чем на живого человека, сейчас потеряла весь свой шарм и походила на героиню фильма

ужасов. Огромная шляпа и дырявое необъятное пальто с широченными торчащими плечами, похоже, были сняты с настоящего огородного пугала. Ступни моей Виктории были обмотаны какими-то лоскутами мешковины...

— Катька?! — Вика явно была напугана. Она убрала с перепачканного сажей лица слипшуюся в длинную сосульку прядь волос, еще раз недоверчиво глянула в салон форда, театрально вздохнула и нахмурилась. Оказывается, она была недовольна нашей встречей не меньше моего. — Только тебя здесь не хватало! Ты тут откуда?

— Совершаю утреннюю прогулку, — быстро нашлась я. — Свежий воздух, природа, знаешь ли...

Слава богу, Виктория меня особо не слушала. Она запрыгнула в машину, заблокировала дверцу изнутри, закрыла окно, убедилась, что на заднем сиденье никого нет, и сняла наконец свою ужасную шляпу. Я ошарашенно тарасилась на подругу, из последних сил сдерживая воображение, уже подбрасывающее мне всякие невероятные оправдания ее поведению. «Спокойно! Надо будет — сама расскажет!» — мысленно прикрикнула я на себя.

— До города не подбросишь? — как ни в чем не бывало спросила Вика. — Надеюсь, тебе по пути? — Дрожащие пальцы нервно поправляли прическу.

Мне вдруг стало смешно — прикид огородного пугала и такой дорогой маникюр!

— Плохо маскируешься, — я кивнула на Викины ногти. — Я уж не говорю про фирменные духи...

Виктория возмущенно засопела, покрутила дорогостоящим пальцем у виска и как-то излишне торопливо протараторила:

— Ничего я не маскируюсь, что ты выдумываешь чепуху всякую...

— Послушай, — я сдалась и начала расспрашивать: — Все это выглядит крайне странно... Ты уж, пожалуйста, знай, что бы ни произошло — я на твоей стороне. Похоже, нам нужно кое в чем с тобой объясниться. Давай я начну первая...

— И не надейся! — возмущенно повысила голос Виктория. — Ты рассказывай что хочешь, я же ничего объяснять не намерена! Не согласна — можешь меня высадить!

Я едва удержалась от соблазна действительно высадить эту истеричку. Она на меня еще и кричит! Ладно, пусть это останется на ее совести.

— Как хочешь. А я все-таки тебе кое в чем признаюсь. Я не слишком-то рада тебя видеть, — все равно рано или поздно мне пришлось бы начать оправдываться. — Я собиралась тебе звонить, чтобы отложить нашу встречу. Не скрою, намеревалась сказать, что жутко простужена и не выхожу из дому, — я специально говорила очень сухо. — Что мне теперь — тебе врать, спрашивается?

— А зачем? — Виктория даже успокоилась от удивления. — Зачем что-то врать?

— Как зачем? — я все-таки выдала свое возмущение. — Ты что, не помнишь? Я же тексты для тебя еще вчера должна была дописать! Вот и выкручиваюсь теперь...

Надобно пояснить, что еще вчера я должна была сдать Вике — а точнее, Виктории Силенской, именитой бизнес-леди и депутату горсовета — цикл заметок о светлом будущем нашего города, обеспеченном ее мудрым руководством. Я в светлость этого будущего и уж тем более

в мудрость руководства откровенно не верила, потому работа стопорилась. Не вырасти мы с Силенской в одном дворе и не подружи все детство, я бы сухо извинилась, отмахнулась, мол, знать ничего не знаю, заполняйте свои блоги в соцсетях сами, не буду я вам ничего писать — не получается... Но, увы, Вика была Викой, и ее заказ надлежало выполнить. Хотя бы для того, чтобы моя мама, произнося в беседе с Викиными родителями «Катя теперь не только журналист, но и копирайтер», могла не краснеть и не пожимать недоуменно плечами. Уж в чем, в чем, а в том, что любой мой промах Силенская, как всегда, обязательно подвергнет осмеянию со всеми нашими общими знакомыми, я не сомневалась.

— А... тексты, — Вика делано улыбнулась. Похоже, Силенская пришла в себя, по крайней мере лицом ее овладела обычная маска примадонны. — А ты скажи мне, будто ты их уже написала и хочешь показать...

— Но мне показывать еще нечего...

— Вот увидишь, едва ты заикнешься о работе, я тут же скажусь простуженной и сообщу, что не выхожу из дому. — Вика заученным движением свела брови в знак огорчения. — Это я о своей работе, разумеется. Ты же понимаешь, что твои заметки ну никак не являются у нас делом первоочередной важности? — Обижала людей Виктория всегда походя, никогда этого не замечая. И тут же продолжала говорить о себе. — Не до статьи мне сейчас, Катенька...

— А что случилось?! — Проглотив обиду, я даже выключила радио, предвкушая услышать наконец подробности происшедшего.

— Неважно! Знай просто, что не буду я с тебя никакие тексты сегодня требовать по причине моего плохого самочувствия.

— Оно-то, конечно, хорошо, — я как-то совсем за всеми этими страстями растерялась, — но я же не поверю в твою болезнь. Я ведь тебя сегодня уже видела!

— Разве?! — Виктория многозначительно заглянула мне в лицо. — Ты меня видела? Нет, не видела ты меня сегодня, Катенька... Не видела! Только по телефону слышала, в районе восьми утра. Я тебе звонила сообщить, что приболела и обсуждение текстов переношу на завтра. О'кей?

Воцарилось напряженное молчание. Я мужественно проявляла высочайший уровень корректности, не задавая вопросов. Подруга демонстрировала наклонности изощреннейшей садистки, так ничего и не рассказывая.

После мучительных раздумий я решила сделать себе маленький подарок и все-таки начала язвить:

— Тебя куда везти-то? Домой или на работу? — Виктория являлась совладелицей одного из крупнейших агентств недвижимости нашего города, и было бы здорово запечатлеть ее в офисе в наряде огородного пугала.

— Не издевайся! И так жить не хочется!

Нет, ну что я ей такого сделала! Интригует, прям как специально...

— М-да... А вообще забавно! — Как говорится, язык мой — враг мой, и я таки не удержалась: — Я тут пишу статьи о высочайшем моральном облике депутата Силенской, а она в столь авангардном виде по трассе вышивает! А если бы не я тебя подобрала? Представляешь, какая бы шумиха поднялась?!

Вика обреченно вздохнула и, не скрывая досады, процедила сквозь зубы:

— Меня, между прочим, мог бы подобрать и кто-то незнакомый! Не повезло! Ладно, ладно. Очень ценю твое молчание... Ценю отсутствие шумихи... Ну хочешь, назови конкретную сумму, в которую мне это должно вылиться.

Тут я, конечно, обиделась окончательно.

— Прости, — спохватилась Силенская, — у меня была тяжелая ночь. — Тут она глянула на меня и внезапно расхохоталась: — Это ж надо, как тебя от любопытства трясет! Мы триста лет с тобой знаем друг друга, а я все никак не привыкну, что ты совершенно не умеешь сдерживать эмоции... — Мое поведение Вика расценила, как всегда, неверно, но, кажется, в данном случае это пошло во благо. Напомнив сама себе о нашей давней дружбе, она решила изменить позицию: — Придется объясниться все-таки. Боясь, от неутоленной жажды познаний ты можешь надевать глупостей. Характер у тебя такой. С детства.

— Получше, чем у некоторых, — позволила себе все же огрызнуться я, но тут же испугалась, что Вика ничего не расскажет, и добавила: — Извини. Просто не люблю, когда ты делаешь одолжения. Ты ведь могла не заказывать тексты, если они не были нужны...

— Да забудь ты про свои никчемные тексты! — Виктория отмахнулась и вдруг перешла на заговорщический шепот: — Я, наверное, и вправду кое-что тебе расскажу. Поднимемся ко мне на минуточку. Раз уж я перед тобой засветилась, то глупо твой потенциал на пользу дела не использовать, так?

Меня подобная корысть слегка покорила, но возражать я не стала.

— Здесь лучше сверни в подворотню, — скомандовала подруга у своего дома и тут же подлила масла в огонь резким восклицанием: — Кто так паркуется? Не умеешь водить сама — найми водителя! Пойдем, мне не терпится с тобой поделиться.

— Лучше б ты делилась чем-то более дорогостоящим, чем очередными неприятностями, — буркнула я себе под нос.

Виктория чуть задержалась в поисках нужного ключа, и мы вошли в подъезд со двора, стараясь просочиться к лифту, не привлекая внимания восседающего у главного входа консьержа.

Не перестаю восхищаться этим домом, построенным еще в позапрошлом веке. Будучи прекрасно отреставрированным, особняк великолепно выглядел и сейчас. Четырехэтажный двухподъездный, он повидал на своем веку многое. Конечно же, подъездный колодец, окаймленный белой выщеленной лестницей, испохабили в советские времена установкой зарешеченной шахты лифта. Стекланный купол крыши, разумеется, выкрасили по больничному белой матовой краской. Напрочь разрушили стиль бронированными дверьми... Но общий дух испортить не удалось. В свое время я увлекалась историей нашего города и раскопала об этом доме массу интересного. Его владелец, разорившись во время экономического кризиса 1900-х годов, был настолько потрясен, что покончил с собой. Причем не из-за денег, а потому что подвел своих акционеров и не мог смотреть им в глаза.

— Эй! Ты где? Ты чего? О чем ты думаешь?! — напряженный шепот Виктории разогнал наваждения. Оказывается, Вика уже целую вечность махала у меня перед глазами ладонью.

— Да так, — я, извиняясь, пожала плечами и вошла в прибывшую кабину лязгающего лифта. — Прости, это я от недосыпа. Думаю о том, что потери репутационного престижа могут довести человека до полнейшего краха.

— Что?! — Вика вдруг побледнела. — Откуда ты знаешь? Я за нее даже немного испугалась.

— Эй-эй-эй! Виктория, ты чего?! — на этот раз пришла моя очередь размахивать руками перед чужим носом. — Я просто пошутила! Ты же знаешь, что выделяет мое воображение, когда я вижу твой прекрасный подъезд. Вспомни, в прошлый раз оно подкинуло идею разгадать, что писали на стенах подъезда в девятнадцатом веке, и, если бы ты меня тогда не остановила, я бы поотбивала всю штукатурку... А сейчас вот вспомнилась история про загубленную репутацию владельца особняка.

Но Виктория меня уже не слушала.

— Знамение! Сумасшедшие не зря всегда считались пророками... Значит, репутационные потери... То есть шантаж... Я не справлюсь с этим! — одними губами прошептала она и, не дав мне возможности нахамить в ответ на «сумасшедших», самым банальным образом свалилась в обморок.

В качестве мести я не стала сама тащить ее до квартиры, а сбегала за консьержем. Для нейтрализации собственной совести пришлось сделать серьезное лицо и выдавить из себя нечто вразумительное.

— Нет, спасибо. Врача вызывать не надо. Это обычный легкий обморок. Психиатрическая бригада тоже ни к чему. Дама просто была на маскараде, поэтому так одета. Понимаете?

Консьерж нервно улыбнулся и легонько, но не без удовольствия, похлопал Викторию по щекам (видимо, не одну меня она достала своим отвратительным характером).

— Ох, спасибо. — Вика, увидев постороннего, моментально взяла себя в руки и поднялась. — Мне уже значительно лучше.

Если честно, в ее обмороках мне всегда чудилось нечто фальшивое. Падает она в них только при близких знакомых. Причем лишь тогда, когда ей от этих близких что-то нужно.

— Катерина, не желаешь ли чашечку кофе? — прервала мои размышления подруга, намекая тем самым консьержу, что он может быть свободен.

Последнее предложение было настолько кстати, что я тут же простила Виктории все ее хитрости. Копошась в квартирном дверном замке, подруга выглядела вполне здоровой. От внезапного недомогания не осталось и следа. Готова поспорить, что сейчас она начнет о чем-то меня просить.

* * *

— Тсс! — в прихожей Виктория приложила палец к губам. — Раздевайся, проходи в гостиную. Дашка, я надеюсь, еще спит.

— Не сплю! — тоже шепотом отозвалась тут же появившаяся на пороге детской десятилетняя дочь Виктории. —

Ой, мам, что это с тобой? — девочка явно испугалась вида Виктории, потом подумала и сама нашла себе утешение: — Это новая мода, да?

— Мы на маскарад ездили, — я в очередной раз спасла Викторию от объяснений.

— Катюша, ты?

Дарья переключилась на меня. Чуть не споткнувшись о подол собственной ночной рубашки, девочка кинулась мне на шею. Дашка была ровесницей моей родной сестрицы Настасьи, поэтому в наших отношениях прослеживалось некоторое панибратство.

— Замри! — шикнула на нее зоркая мать. — Сейчас мне всю тетю Катю перемажешь! И что это опять за «Катюша»?

Виктория считала, что девятнадцатилетняя разница в возрасте между мной и Дарьей обязывает ребенка обращаться ко мне на «вы».

Дарья замерла, потом виновато улыбнулась и спрятала за спину выпачканные в шоколаде пальчики.

— Я не нарочно!

— Каким, интересно, образом можно «не нарочно» истребить половину коробки конфет?! — грозно зашипела Виктория, успевшая уже заглянуть в комнату и оценить ущерб, нанесенный дочерью запасам сладкого.

— Девочки, а что, кто-то еще спит? Чего мы шепчемся? — я поспешила перевести разговор на другую тему, дабы моей любимице не влетело.

— Ну шепчемся... — Дашка серьезно заглянула мне в лицо своими лучистыми голубыми глазенками, продолжая шептать: — Видимо, чтобы не спугнуть утро.

Мне сразу стало лучше. Я обожала Дарью за подобные высказывания.

— Хватит болтовни! — Виктория первая заговорила в полный голос. — Отчего ты не спишь? В гимназию еще только через час просыпаться.

— Тебя дожидаюсь! — Дашка манерно прищурилась и стала до смешного похожа на мать. — Имею же я право на свидание с собственной мамочкой!

— Марш мыть руки! — Вика едва сдержала невольную улыбку. Иногда мне становилось жалко подругу: наверное, невыносимо сложно постоянно контролировать свои мышцы, искореняя все, не положенные по статусу, выражения лица.

— Ты не думай, — обратилась Вика ко мне, когда мы прошли наконец в гостиную, — Дарья меня вовсе не дожидалась. Наверняка она только что проснулась. Татьяна в шесть утра на базар уходила и ее разбудила. А то такое впечатление, будто это чадо меня чуть ли не всю ночь ждало...

Татьяной звали домработницу Силенских, по совместительству приставленную к Дарье кем-то вроде гувернантки.

— Я и не думаю, — поспешила согласиться я, зная, что малое количество времени, выкраиваемое Викторией на общение с ребенком, является для нее большим вопросом. Я опустилась в мягкое кресло и почувствовала, что засыпаю. — Вик, ты кофе обещала...

— Еще одна ноющая! — вздохнула Виктория и отправилась на кухню.

Отсутствие домработницы явно тяготило ее, посему процесс приготовления кофе мог слегка затянуться. Это

давало мне хотя бы десять минут на обдумывание происходящего. «Итак, Виктория Силенская умудрилась...» — монотонно забубнил здравый смысл.

— Катюш! Расскажи про журналистику! — Дашка с разбегу забралась ко мне на колени.

— Ой, — я не собиралась смириться с отсутствием у меня возможности сосредоточиться, — Даш, давай в другой раз?

— Не-а. — Вообще-то наша Дарья была хорошей и послушной девочкой. Просто я, видимо, считалась ею настолько своей, что переносить правила приличного поведения на общение со мной ей в голову не приходило. — Расскажи про журналистику!

В раннем детстве Дарья попала под мое пагубное влияние. Ввиду того что до покупки квартиры в центре Виктория Силенская жила на одной лестничной площадке со мной, Даша и моя сестрица массу времени провели в одном манеже. Естественно, я возилась с ней не меньше, чем со своей Настасьей. Конечно же, забавы ради я таскала девчонок с собой в редакцию, в офисы к заказчикам и в прочие совершенно неподобающие места. Моя мама, смеясь, называла тогда девочек «начинающими сескьюрити». С тех пор и у Дарьи, и у моей сестры появилась мечта — стать журналистками. И Виктория, и моя мама, и я втайне надеялись, что в более осознанном возрасте девочки изменят свой выбор. «Минимум экономистом, как мама. Но лучше все-таки, как папа, уметь что-то делать!» — передразнивала мамины нотации сестрица Настасья, прозванная так мною за внезапно проявившийся однажды кроткий нрав.

— Расскажи! — не отставала Дарья.

— Нет, солнышко, я сегодня слишком устала, дабы говорить о работе!

— Солнышко? — Дарья всегда чутко реагировала на фальшь. — Раньше ты меня так не называла! Прямо как чужая. Один тип меня вчера тоже все «солнышко» и «зайка» называл. Я ему говорю: «Что это вы со мной так сюсюкаетесь?» А он: «Я просто не привык общаться с маленькими. Называю, как принято». Но ведь я же уже не маленькая?!

— Какой еще «тип»?! Кто называет?! Почему называет?! — в один голос заверещали мы с вернувшейся Викторией.

— Так и знала, что тебе про него лучше не рассказывать. — Дарья глянула на побледневшую мать и развела руками. — Ну что ты будешь делать? — это она уже мне. — Стоит в моей жизни хоть чему-то произойти, как она вся покрывается пятнами от ужаса. Слабая нервная организация!

Виктория мельком глянула в зеркало, успокоилась, не обнаружив никаких пятен, и начала допрос:

— Так, барышня! Вы мне тут морали не читайте и глазки не закатывайте. Радоваться надо, что хоть кто-то за вас переживает и хоть кому-то есть до вас дело. Рассказывай! Сколько раз я тебе говорила не общаться с посторонними?

В глазах Дашки мелькнул испуг. Из кокетливой и наигранно взрослой барышни девочка моментально превратилась в маленького виноватого напуганного зверька...

— Я не подумала, — обратилась она к матери. — Мам, я правда не подумала... Я мусор выносила, тут подошел этот тип. Я думала, сосед. Спрашивал, как наши дела. Он

так говорил, что я решила, он твой друг. Я, собственно, только всякое вежливое «хорошо», «спасибо», «нормально» и успела сказать, а потом Татьяна его из окна увидела и стала мне кричать, чтобы я домой шла. Я и пошла. Я только сейчас подумала... А ведь правда, почему он вдруг стал спрашивать, как там мама и что мы делаем в праздники?

— Как он выглядел? — Виктория выхватила у меня мобилку, явно собираясь кому-то звонить.

— Ну... Такой взрослый... Высокий... С большим ярко-зеленым зонтом... С усиками. И еще в очках, по моему солнечных...

Столь несуразный вид незнакомца нас с Викторией абсолютно не порадовал.

— Странная манера одеваться, не правда ли? В солнечных очках и с зонтом в феврале... Известный прием, чтобы отвлечь от собственной внешности внимание, — взять с собой какую-нибудь яркую, нелепую вещь, которая одна и запомнится собеседникам... Излишне осторожно для добропорядочного соседа, — озвучила наши общие мысли я. — Ты позвонишь в полицию?

— Господи, даже не знаю, куда звонить... Охране — нельзя. Да и в полицию тоже... Если это тот же тип, что сегодня напал на меня... — Вика отложила телефон и нехорошо прищурилась. — Сотру в порошок!

— Мам, я сильно тебя подвела? — Дарья моментально стала шелковой и сидела теперь на краешке стула, выпрямив спинку и положив ладошки на колени.

— Пока не знаю. — Вика таки попыталась как-то рационализировать происходящее. — Даша, сейчас ты нам по-

дробно, очень подробно расскажешь все об этом странном типе. Во сколько он подошел, что говорил, кто его видел...

Дарья восприняла столь серьезный тон матери по своему и пришла вдруг в состояние крайнего душевного расстройства.

— Я не хотела, я не знала, я не специально, — тихо бормотала она, глядя прямо перед собой с выражением великомученицы. По щекам девочки текли крупные слезы.

— Прекрати реветь! Я не ругаю тебя. — Вика и сама была близка к истерике. — Я просто хочу знать!

Виктория перешла на крик, и я четко поняла, что пора вмешиваться.

— Вика, — быстро начала шептать я, отведя подругу в сторону, — не травмируй ребенка. Ничего опасного, в конце концов, еще не произошло. Пусть успокоится, потом все выясним.

Силенская-старшая, как ни странно, меня послушалась.

— Опоздаешь, иди собираться в гимназию. Татьяна обрадуется, если к ее приходу ты будешь уже готова. — Вика еще секунду попыталась быть строгой, потом не выдержала, притянула дочь к себе и срывающимся голосом зашептала: — Умоляю, будь осторожна...

Даша послушно кивнула. Вика еще раз поцеловала дочь, за что услышала ворчливое «Не нужны мне твои люнявые чмоки...», и выпроводила Дашку из комнаты.

Кофе давно остыл. Впрочем, желание засыпать у меня напрочь исчезло.

— Рассказывай теперь ты! Я не Даша и фразу «напал на меня» услышала отчетливо, так что теперь не отвертись, — требовательно обратилась я к Виктории. —

О типе с зонтиком поговорим позже, когда я буду уже обладать равным с тобой объемом информации. — Мысли о том, что все в этой жизни празднично, скучно и серо, почему-то улетучились из моей головы. — Вика, да что с тобой? Сосредоточься! Сейчас мы это дело вмиг раскроем и все решим!

Викторию моя тирада должным азартом и оптимизмом не заразила. Задумчиво прищурившись, она неотрывно глядела на угол журнального стола и сосредоточенно грызла при этом колпачок автоматически прихваченной с тумбочки ручки.

Мое воображение тут же представило, как страницы небрежно валяющегося на столе дамского журнала вспыхивают огнем под Викиным взглядом. Я немедленно хватаю накидку с кресла и принимаюсь лупить ею по пламени, опрокидывая при этом чашки и кофейник, а также переворачивая стоящую здесь же на столе початую бутылку коньяка. Спиртное возгорается... Огонь впивается смертоносным поцелуем в якобы кожаную обивку мягкого уголка, высасывает ее всю, оставляя на креслах несчастное морщинистое нечто... Кругом полыхает пламя и царит переполох, и лишь Виктория Силенская не поддается общей суматохе. Не меняя позы и не отрывая прищуренного взгляда от дотлевающей кучки углей, оставшейся от журнального столика, Вика напряженно думает о чем-то своем. Челюсть ее при этом ни на секунду не прекращает нервно дергаться. Виктория все грызет и грызет уже истекающую чернилами авторучку, пытаясь изжевать ее в пыль...

— Эй, ты меня вообще слушаешь? — Вика давно уже покончила с театральной паузой и теперь рассказывала

что-то, расхаживая вдоль огромного, зашторенного темными гардинами окна.

— Да, да, конечно, — усилием воли я прогнала «пожарное» наваждение, еще раз отметила, что мне не мешало бы все-таки выспаться, и наигранно бодро улыбнулась. — Очень внимательно тебя слушаю!

— Так чего ж не отвечаешь? Я спрашиваю, ты со мной согласна?

— Ну... Безусловно да, только в чем именно, не припомню... — откровенно врать не хотелось.

— Господи! О чем ты опять думаешь?

— О пожаре, — честно призналась я. — Мне привиделось, будто вокруг тебя все горит.

На этот раз во взгляде Виктории сквозило откровенное восхищение.

— Послушай! Похоже, у тебя и в правду открылся дар ясновидения... Пожалуйста, рассказывай мне о каждом, слышишь, о каждом твоём таком видении, хорошо?

Вика как-то уж слишком заботливо подлила мне еще кофе.

— Где здесь ясновидение? Ты объяснишь мне что-нибудь, в конце-то концов?! — Я начинала злиться.

— Как же я объясню, если ты не слушаешь? Я тут тебе такой слезно-пафосный монолог выдала! Душу, можно сказать, открыла. А ты за своим, точнее, за моим пожаром все прослушала.

Я радостно отметила, что не у одной меня сегодня не все в порядке с головой.

— В общем, — продолжала Виктория, — смысл моего предыдущего монолога сводился к тому, что очень нелегко

в наше время живется успешным девушкам. Тем более тем, у кого собственный бизнес и подрастающая дочь... Приходится расплачиваться такой незначительной мелочью, как полное одиночество...

Я мгновенно пожалела, что прослушала «слезно-пафосный» монолог подруги. Слышать от априори благополучной Виктории подобные жалобы раньше никогда не приходилось.

— Да-да... Люди равного со мной социального уровня или давно прекрасно устроили свою семейную жизнь, или даже не задаются подобной целью, вполне удовлетворяясь мимолетными приключениями. — Виктория спокойно чеканила слова, явно не в первый раз формулируя эти свои мысли. — А мне все это уже поперек горла стоит... Или щенок желторотый, помимо всего прочего, еще и карьере посредством меня построить жаждущий... Или циник законченный, в котором все хорошо, кроме того, что времени на меня у него ровно два часа в неделю... Впрочем, как и у меня на него... Безналичная любовь, так сказать...

— Вика, — мне вдруг стало дико жаль подругу, — зачем ты сортируешь людей, расставляя их по полочкам? Поверь, далеко не все в жизни соответствуют создаваемым тобой образам...

— Да?! — резко повысила голос Виктория, и я сразу пожалела, что вмешалась. — И где же они, эти несоответствующие?! Эй! Красивая, умная, сильная, обеспеченная желает найти не менее умного, красивого, сильного, обеспеченного, готового бескорыстно взять на себя решение всех ее психологических проблем, а также функции вос-

питания ее крайне избалованной десятилетней дочери! С девяти до девяти просьба не беспокоить — рабочее время. После одиннадцати тоже нежелательно — мадам должна отдохнуть перед трудовым днем. На выходные дни также не рассчитывайте — должна же я хоть когда-нибудь заниматься собственной дочерью... Эй! Куда же вы?! — Вика делано оглянулась. — Видишь, ни одного! Да и слава богу, наверное... Одной свободнее. — Она легко приземлилась в кресло, заученно вычурным жестом закинула ногу на ногу и закурила. — Не в этом суть. В общем, в очередной раз мне стало невмоготу. И я решила... Только не смейся...

Я и не смеялась, скорее, грустила даже, потому как заранее понимала, что сейчас услышу.

— Пошла я, значит, в клуб. А что? Специальный клуб знакомств, для тех, кому за тридцать... Между прочим, весьма престижный клуб, там только солидная публика собирается. Просто так, с улицы, не попадешь. Только по рекомендациям и за серьезные клубные взносы. Ты, наверное, не знаешь, что такие клубы сейчас очень популярны.

Такой клуб в городе наличествовал всего один, и о его существовании я была прекрасно осведомлена. Профессиональная принадлежность обязывала знать все местные богемные места. Я даже очерк об этом клубе писать собиралась. Увы, отвлекли, как обычно, дела житейские.

— Вырядилась я соответственно, — продолжала Вика. — Чтоб сразу было видно, что я дама респектабельная. Все фирма — от носков до шпилек в волосах. В ушах, естественно, брюлики. Вот дура-то! — Виктория демонстративно рассмеялась. — Я тебе скажу откровенно, большего маразма, чем все происходящее на этой вечеринке, я еще

нигде не встречала. Мало того что контингент — сплошь сексуально озабоченные неудачники, так еще и программа нуднейшая... А тут к тому же на меня начали бурно реагировать. Каждый норовит что-то эдакое шепнуть. Со всех сторон — комплименты и угощения. На танец пригласить очередь выстроилась, чуть ли не по записи. Еще бы! Все равно что меня в питомник к обезьянам посадить — я там тоже самая привлекательная буду...

— Среди людей! — я решила слегка убавить уровень Викиной эмоциональности. Ну не люблю я, когда при мне столь агрессивно критикуют окружающих! Душно мне в чаду такого выброса негативной энергии!

— Что? — не поняла подруга.

— Среди людей самая привлекательная. А среди обезьян — самая страшная. Знаешь, есть одна красивая сказка: «В Китае жила когда-то очень красивая девушка. О ней мечтали все мужчины в городе. В один прекрасный день она упала в озеро и перепугала там всех рыб».

— Тебе лишь бы поумничать! — фыркнула подруга, но гонор сбавила. — Я почти собралась уходить, но тут смотрю — интересный персонаж появился. Красив, опрятен, подтянут. Господи, я только сейчас подумала, как в наше время мало элементарно чистых, я уже не говорю ухоженных, мужчин!

Я неодобрительно хмыкнула, намекая, что Виктория снова уходит от сюжета.

— Подошел он, значит, галантно раскланялся и говорит: «Что вы здесь делаете? Вы, истинное божество — и вдруг в таком месте, где обосновал свое жилище гнусный разврат!»

— Гоголь Н. В., «Невский проспект», — поспешила прокомментировать я.

— Вот и я у него спрашиваю: «Сам придумал или у кого из классиков позаимствовал?» Он честно признался, что не сам. И предложил пройти к роялю. Играл он, кстати, на самом деле божественно. Вот от музыки этой я и поплыла. Представился джентльмен Александром, другом хозяина заведения. Объяснил, что здесь оказался случайно и сам слегка раздосадован убожеством происходящего. Ну, в этом, естественно, мы нашли удивительную схожесть взглядов... Причем и на данное сборище, и на жизнь в целом... К тому же у нас выявилась масса общих интересов! И музыка, и литература... Катька, не поверишь, я купилась как девочка! Мы любезничали и ворковали как голубки. Потом танцевали, целовались... Александр предложил поехать к нему, «дабы в спокойной обстановке распить за знакомство шампанское». Я вначале засомневалась... Но, с другой стороны, чего ломаться-то, а мальчик мне сильно понравился. Сама я вроде уже совершеннолетняя... В общем, поехали. Я что-то заподозрила уже тогда, когда он попросил из клуба выйти порознь. «Встретимся за углом. Я такси поймаю и подъеду. Зачем демонстрировать окружающим свое счастье? Позавидуют, навредят». Еще удивительнее стало, когда мы на такси за город выехали. Он, конечно, объяснил: «Машенька (это я так ему представилась), понимаю ваше смущение, но в городской квартире у меня сейчас ремонт и разруха, так что мы едем ко мне на дачу».

— Почему ты согласилась? — столь легкомысленное поведение действительно было настолько не в Викином

стиле, что мне сложно было даже представить себе эту ситуацию. Одно дело поехать за город с кем-то из знакомых, пусть даже совсем не ради невинных дружеских посиделок. Но чтобы вот так, с абсолютно незнакомым мужчиной...

— Не знаю, может, из-за алкоголя бес попутал? — Виктория на миг стушеввалась, и мне почему-то показалось, что она врет. — Я тогда еще, помню, про себя подумала: «То, что дача есть, — хорошо. А вот то, что не хочет на людях вместе появляться да в квартиру не везет, — плохо. Женат, наверное...»

— И все равно поехала? — продолжала я гнуть свою линию. — Это на тебя совсем непохоже. Тем более что ты же никогда не пьянеешь, забыла, что ли?

— Да! — Вика снова повысила голос. — Тогда я об этом забыла и опьянела! И в такси еще тоже пила. Помню только, что из горла и назло всем, но не помню, что именно... Хотела хорошо провести время. Сама виновата. Пришла в себя я уже, находясь на так называемой даче. Никакая это не дача — сарай обычный. Этот негодяй мне чего-то в выпивку подсыпал такого, что я отрубилась совсем. Представляешь, я открываю глаза и понимаю, что лежу в сарае на каком-то грязном матрасе. Из одежды на мне только нижнее белье и чулки. Кавалера этого и след простыл, свинтил вместе с моими шмотками, наличкой и драгоценностями. Сумочку, как ни странно, он мне оставил. Я, конечно, в полнейшем шоке. Кидаюсь к дверям — заперто. Я покричала чуть-чуть — никто не идет. Попыталась выбить дверь — безрезультатно. И соображать толком не получается — видимо, от той выпитой дряни еще не

отошла. Ну что, стою, дрожу. Зимой, посреди холодного сарая, в одном белье, без единой мысли в голове, с глубокой душевной раной. Живая — и на том спасибо... Там в углу керосиновая лампа валялась. Слава богу, мою зажигалку этот подонок не счел ценной, при мне оставил. Как бы то ни было, но я, пока пыталась эту лампу зажечь, чуть сарай не спалила. Пламя как полыхнет! Еле потушила. Понимаешь теперь, почему меня твой привидевшийся пожар так ошарашил? Тут у тебя явно дар какой-то...

— Не морочь голову, — огрызнулась я. — Дальше-то что?

— Да ничего. Вышибла я табуреткой стекло в окне. Чуть не изувечилась осколками, между прочим. Зато оказалась на свободе.

— А одежда? — в рассказе Виктории меня очень взволновало, что она могла замерзнуть насмерть.

— Там в сарае чучело огородное валялось. Видимо, хозяева на зиму с поля сняли. Пришлось его раздеть. Между прочим, весьма неплохая экипировочка получилась! И для утепления, и для маскировки. А знаешь, так мне и надо! Не буду такой душой в следующий раз! — от воспоминаний Вику опять начало слегка трясти.

— Ну, это и так ясно, — отмахнулась я от ее запоздалых самоистязаний. — Ты это... — я попыталась найти хоть какие-то слова поддержки, — не шибко расстраивайся. Лучше радуйся, что осталась жива и невредима. Мог бы и маньяком оказаться. Подумаешь, брюлики, подумаешь, шуба...

— Жалко, — всхлипнула Вика, и мне на секунду показалось, что сейчас она расплчется. Видимо, украденные

драгоценности действительно дорого стоили. — Да нет, не вещей жалко, это копейки все... Жалко, что нельзя на этого козла охрану натравить или полицию.

— Почему нельзя? — удивилась я.

— Нет... Я об этом кому-либо рассказать никак не могу. Уничтожат. Свои же из партии и сожрут. Им же только покажи слабинку — все нервы вытреплют...

— Вика! Тебя могли убить! Ведь ты могла в этом сарае вообще насмерть замерзнуть! Преступник, между прочим, на это и рассчитывал. Знал, что ты побоишься про него кому следует сообщить.

— Значит, правильно рассчитал! Я — и вдруг практически иду на панель... Не знаю, что на меня нашло. Понимаешь, охрана у меня не то чтобы моя личная, она оказывает услуги всем учредителям агентства... Охрану Алик набирал, мой компаньон. Помнишь его? — (Еще бы я не помнила этого лопухого улыбчивого клоуна!) — Алику запятнать мою репутацию ох как выгодно. И потом, чем меньше людей обо всем этом знает, тем лучше. Если эта информация дойдет хотя бы до одного журналиста, мою бизнес-карьеру — я молчу уже о политической — можно считать законченной.

— Ты меня собираешься убить?

— Ой, Катька, ну какой из тебя журналист! — в двадцать пятый раз смертельно обидела меня подруга. — И потом мы же друзья, так ведь? Ты-то уж точно мне неприятностей не хочешь. Этим ты только себе навредишь... Я у тебя все же как-никак выгодное знакомство. То заказы подброшу, то нужным людям представлю...

Содержание

Пролог	5
Глава первая, <i>в которой две порядочные дамы встречаются под покровом компрометирующих обстоятельств</i>	7
Глава вторая, <i>в которой героиню отвлекают, отпивают и вынуждают к решительным действиям</i>	36
Глава третья, <i>в которой происшествие обрывает новыми подозреваемыми и норовит стать делом чести.</i>	61
Глава четвертая, <i>в которой дело отчаянно пытается принять серьезный оборот, но несерьезные действующие лица ломают его цели</i>	83
Глава пятая, <i>в которой, вопреки мировой статистике, страх оказывается хорошим советчиком</i>	101
Глава шестая, <i>в которой каждый из героев открывается с наихудшей стороны</i>	120

Глава седьмая, <i>в которой героиня подтверждает собственное непостоянство, несколько раз меняя окончательное решение</i>	149
Глава восьмая, <i>в которой героиня с удивлением понимает, что риск — дело благородное, но, увы, ужасно опасное</i>	170
Глава девятая, <i>в которой выясняется, что не все цветы в радость</i>	186
Глава десятая, <i>в которой излагаются две поистине трагичные истории</i>	202
Глава одиннадцатая, <i>в которой дела сердечные снова принимают неожиданный поворот</i>	235
Глава двенадцатая, <i>в которой преступник увеличивает ставки и количество промахов</i>	255
Глава тринадцатая, <i>в которой решительные действия героев переворачивают вверх дном нерешительное течение повествования</i>	272
Глава четырнадцатая, <i>в которой зализывание ран оборачивается новыми волнениями</i>	287
Глава пятнадцатая, <i>в которой лишний раз подтверждается, что дура не пуля, а тот, кто стреляет</i>	305
Глава шестнадцатая, <i>в которой ничего не происходит, но все становится на свои места</i>	324
Эпилог	340

Літературно-художнє видання

ПОТАНІНА Ірина
Посібник для початкуючих шантажистів
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. А. Кір'ятська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 14.03.2019.
Формат 70x100/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 14,19.
Наклад 4000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ПОТАНИНА Ирина
Пособие для начинающих шантажистов
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. А. Кирьятская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 14.03.2019.
Формат 70х100/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 14,19.
Тираж 4000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а.
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Катерина Кроль — журналістка, що полюбіла авантюри. І коли подруга дитинства Віка, а нині бізнес-леді та політик, потрапляє до халепи, Катя вирішує взятися за заплутану справу. Кому, як не їй, під силу витягнути подругу з пастки шантажиста? Коли б Віка тільки знала, чим обернеться для неї та зустріч у клубі знайомств... А обернулася вона брудним шантажем з використанням пікантних фото Віки, котрі горе-коханець погрожував передати до преси. Щоб вивести злочинця на чисту воду, комусь доведеться ризикнути власною репутацією...

Потанина И.

П64 Пособие для начинающих шантажистов : роман / Ирина Потанина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 352 с.

ISBN 978-617-12-5764-1

Катерина Кроль — журналистка и любительница авантур. И когда подруга детства Вика, а нынче бизнес-леди и политик, попадает в шекотливую ситуацию, Катя решает взяться за запутанное дело. Кому, как не ей, под силу вытащить подругу из ловушки шантажиста? Если бы Вика только знала, чем обернется для нее та встреча в клубе знакомств... А обернулась она грязным шантажом с использованием пикантных фото Вики, которые горе-любовник грозится передать в прессу. Чтобы вывести преступника на чистую воду, кому-то придется рискнуть собственной репутацией...

УДК 821.161.1(477)

К Кате и Георгию, владельцам детективного агентства, обращается за помощью молоденькая студентка-сценаристка Мария. Девушка в отчаянии: по закону она наследница состояния бизнесмена Песина, из-за чего на нее устроил настоящую охоту ее кузен. За девушкой следит нанятый кузеном детектив Лихогон. Тот самый бездарный сыщик, конкурент Георгия... Дело принимает новый оборот, и теперь уже Георгий стремится не только помочь Марии, но и проучить врага. А Маша начинает вести себя крайне странно. У Кати рождаются подозрения... Что это — банальная женская ревность? Или студентка-сценаристка заигралась в опасное кино?..

В молодежном театре «Сюр» одна за другой исчезают актрисы: Лариса, Алла и Ксения. Все они претендовали на главную роль в новом спектакле. Интересное дело, как раз для детективного агентства, которое занимается нестандартными расследованиями. Но главный сыщик Георгий страдает ленью и «звездной болезнью», и за дело берется его невеста Катя Кроль. Ей удастся выяснить, что Лариса и Алла были влюблены в одного и того же человека. А что, если это как-то связано с их исчезновением? Неожиданно Ксения возвращается сама и просит Катю никому не говорить о том, что расскажет ей...